

ХРОНИКА

Существовал ли царь 'Αχης?

Парижский золотой статер с надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΚΟΥ, найденный в Трапезунде в 1865 г., свыше 80 лет считался в нумизматической литературе единственным историческим источником, сообщающим такое имя царя.

Нумизматы довольно скоро пришли к заключению, что «царь «'Αχης», всего вероятнее, должен быть отнесен к числу боспорских царей III—II вв. до н. э. ввиду того, что парижский статер имеет сходство с золотыми статерами боспорских правителей указанного времени. Такой взгляд считался довольно долго почти укоренившимся. Но недавно он был поколеблен академиком С. А. Жебелевым¹, отнесшимся «недоверчиво» к монетной надписи парижского статера и, в заключение всех своих рассуждений и предположений, заявившим, что «имя» «'Αχος или 'Αχης» продолжает оставаться для него «неразрешимой загадкой».

Зомневался в этой монете и проф. А. Н. Зограф², назвавший парижский статер «во многих отношениях загадочным». «Мы,—пишет А. Н. Зограф,—не только не встречаем более нигде подтверждений существования на Боспоре такого царя, но и сама форма (подчеркнуто мной.—Л. Х.) имени его вызывает некоторые недоумения». «Во всяком случае безоговорочно вводить Ака в число Боспорских царей, да еще считать его представителем той же династии Спартокидов, мы имеем слишком мало оснований».

В связи с указанными разногласиями и сомнениями ученых недавняя находка в Грузии второго, аналогичного золотого статера, поступившего на хранение в Государственный Тбилисский музей и опубликованного Д. Г. Капанадзе в ВДИ, 1948, № 1, приобретает большой интерес. Интерес увеличивается еще потому, что автор публикации высказывает совершенно новое и очень убедительное предположение о несомненной чеканке этих статеров в III в. до н. э. в древней Колхиде. Развивая свою гипотезу о колхидском происхождении обоих статеров, Д. Г. Капанадзе высказывает предположение, что упоминаемый в монетной надписи «'Αχης» был царем колхидским.

С последним выводом Д. Г. Капанадзе я согласиться никак не могу. Мое возражение относится не только к Д. Г. Капанадзе, прочитавшему здесь имя царя колхидского, но и ко всем предшествующим ученым, стремившимся прочесть здесь новое, до сих пор не известное, имя царя фракийского, скифского или боспорского.

Хотя академик С. А. Жебелев в итоге и не разрешил своих сомнений относительно «загадочности» имени в надписи парижского статера, все же, кажется мне, он был единственным исследователем, стоявшим на правильном пути.

¹ С. А. Жебелев, Последний Перисад и скифское восстание на Боспоре, ИГАИМК, вып. 70 (1933) и ВДИ, 1938, № 3 (4), стр. 66, прим. 3.

² А. Н. Зограф, Античные монеты, ч. II, гл. XI, стр. 199 (по неизданной рукописи. В дальнейшем цитируется по той же рукописи).

Его предположение, что слово Ακτῆ не выражает собой полного имени, а составляет всего лишь форму окончания другого имени, заслуживает безусловного внимания.

Реконструкция С. А. Жебелева строилась на допущении, что начальные буквы восстанавливаемого имени стерты, но, обнаружив на оригинале следа повреждений, он прекратил, к сожалению, свои дальнейшие изыскания.

Неполное начертание имени в виде его окончания, я думаю, могло получиться на монете не только в результате механической утраты нескольких начальных букв от потертости монеты, а по причине небрежности или малограмотности резчика штемпеля.

Попробуем проверить высказанное предположение применительно к монетам с надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΚΟΥ . Прежде всего необходимо напомнить, что мы имеем дело не с высококачественным образцом античной монетной глиптики, а, как правильно указал Д. Г. Кананадзе, с самым ранним представителем местных колхидских подражаний лисимаховским статерам византийской чеканки. Для доказательства этого положения сделаем несколько сопоставлений¹.

1. При сравнении тбилисского статера с парижским (см. табл., рис. 1 и 2) создается впечатление, что оба экземпляра выполнены, повидимому, одним штемпелем или, в крайнем случае, сделаны одним мастером.

Штемпель парижского экземпляра почти правильно совпадает с монетным кружком, на тбилисском—штемпель сдвинут немного книзу.

Парижский экземпляр—лучшей сохранности, тбилисский—несколько потерт, почему рельеф его более округлый. Этим, конечно, объясняется небольшое различие в их весе—парижского 8,50 г, а тбилисского 8,45 г.

Поэтому, хотя мы и располагаем двумя экземплярами статеров с надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΚΟΥ , тем не менее считать приходится попрежнему с особенностями одного штемпеля или произведением одного мастера.

II. Сравним лисимаховский статер византийской чеканки со статерами боспорских правителей (см. табл., рис. 3, 4, 5).

Используем для сравнения тот экземпляр посмертного лисимаховского статера из сел. Эки, который воспроизведен в статье Д. Г. Кананадзе, экземпляр достаточно характерный для данной чеканки. Из боспорских золотых статеров привлечем уникальный экземпляр статера архонта Гигиэонта (Московский исторический музей)² и статер Перисада (Гос. Эрмитаж)³, которые А. Н. Зографом⁴ отнесены к первой группе его классификации и датируются последней третью III в. до н. э.

Боспорские статеры имеют явные черты заимствования от лисимаховских, но наряду с элементами общего сходства в них имеются существенные различия—иконографические и по содержанию их надписей и монограмм.

На лисимаховских византийских статерах—традиционное изображение головы Александра Македонского в образе сына Аммона. На боспорских статерах в аналогичной экспозиции представлен портрет боспорского правителя. На оборотных сторонах сходны только изображения сидящей Афины с Никой на вытянутой руке и трезубца с дельфинами внизу. Надписи размещены одинаково, по содержанию же они разные: на лисимаховских— $\text{ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ}$, на боспорских, у Гигиэонта— $\text{ΑΡΧΟΝΤΟΣ ΥΓΙΑΙΝΟΝΤΟΣ}$, у Перисадов— ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΠΑΡΨΑΔΟΥ . Монограммы у всех разные.

¹ Изображения сличаемых монет располагаются мной таким образом, что они в целом образуют таблицу, наглядно демонстрирующую, к какой типологической и стилистической группе подражаний лисимаховским статерам византийской чеканки более всего тяготеют статеры с надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΚΟΥ , где и когда могла появиться такая чеканка.

² В. В. Шкорпил, К вопросу о времени правления архонта Гигиэонта, «Сборн. в честь Бобринского», СПб., 1911, табл., рис. 1.

³ Х. Х. Гиль, Новые приобретения моего собрания, ЗИРАО, т. V (1902), стр. 351, № 52, табл. VI.

⁴ А. Н. Зограф, Античные монеты, часть II, гл. XI, стр. 197.

СОПОСТАВЛЕНИЕ БОСПОРСКИХ И КАВКАЗСКИХ ЗОЛОТЫХ СТАТЕРОВ
С ИХ ПРОТОТИПОМ

Прототип (лисимаховский тип византийской чеканки). 3—статер из сел. Эки. Кавказские подражания. 1—статер «Ака» (Париж); 2—статер «Ака» (Тбилиси); 6—статер из сел. Реке. Боспорские заимствования. 4—статер Гигзиэонта (Москва); 5—статер Перисада (Ленинград). Монеты за №№ 1—5 чеканены в последней четверти III в. до н/э. Монета № 6 чеканена в 1-й четверти I в. до н/э. Изображения, увеличены в 2 раза.

Словом, на боспорских монетах мы видим не слепое подражание, а самое общее внешнее заимствование типологии лисимаховской византийской чеканки с сознательной перделкой и приспособлением заимствованных элементов к своим местным требованиям.

На Боспоре не было необходимости помещать на царских монетах божественного образа Александра Македонского или придавать аналогичный облик боспорскому архонту или царю. Скорее всего, мы могли бы ожидать здесь местный образ обоженного боспорского царя (вероятнее всего, одного из первых Перисадов), на что указывал А. Н. Зограф¹, но особенностей этой иконографии мы не улавливаем, и фигурирующий портрет можно назвать реалистическим с оттенком идеализации. В лисимаховском византийском прототипе были сделаны перделки в соответствии с местными политическими и религиозными представлениями боспорян. В боспорских статерах от лисимаховского прототипа сохранились только элементы денежного знака золотой чеканки, элементы привычные и общепринятые для того времени на международном рынке, на котором широко обращались лисимаховские византийские статеры. Им по качеству не должны были уступать статеры, выпущенные царями Боспора, хотя бы даже не для широкого денежного обращения, как утверждал А. Н. Зограф², а в качестве донативов.

Отмеченная черта относительной оригинальности боспорских золотых статеров очень важна, в особенности как предпосылка для следующего сопоставления.

III. Сопоставим статер с надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΚΟΥ с только что рассмотренными лисимаховскими и боспорскими статерами.

А. Н. Зограф относил статер «Ака» к началу II в. до н. э., хотя по стилю он, кажется мне, скорее всего тяготеет к первой группе его классификации лисимаховских и боспорских статеров, т. е. к последней трети III в. до н. э.

Совершенно очевидно, что статеры «Ака» более сходны с лисимаховскими византийскими статерами, чем с боспорскими.

Обращает на себя внимание остающаяся на статерах «Ака» голова Александра с рогом Зевса Аммона—типичная для лисимаховских и никогда не помещавшаяся на боспорских. Статеры «Ака» сходны с боспорскими только одной деталью—другим дьменем в левой надписи. Статеры «Ака» выполнены не в боспорской традиции и считать их боспорскими, мне кажется, неправильно.

IV. Сравним лисимаховские византийские статеры с их относительно ранними кавказскими подражаниями (см. табл., рис. 3 и 6).

Статер из сел. Реке — замечательный образец подражательной кавказской чеканки. А. Н. Зограф датировал его второй четвертью I в. до н. э., считая выразителем «первоначальной ступени варваризации»³.

Д. Г. Капанадзе привлек этот статер, как одну из важнейших аналогий в своей статье, но, мне кажется, неправильно использовал характерные черты этой аналогии.

Статер из сел. Реке—полное подражание статерам византийской чеканки; здесь нет ни малейшего стремления что-либо переделывать или приспособлять к местным требованиям, как это было на Боспоре. Все отступления от прототипа порождены исключительно худшим качеством исполнения малоискусного мастера. Он стремился безусловно точно копировать образец, но исказил его потому, что, не зная настоящих правил построения композиции, прибегал к другим приемам работы, механическим и в то же время более свободным.

Мастера лисимаховских статеров сначала, несомненно, определяли общее расположение вертикальных надписей, затем фигуры Афины с Никой и в процессе резьбы

¹ А. Н. Зограф, *Античные монеты*, часть II, гл. XI, стр. 197.

² Там же, стр. 193 и 199.

³ А. Н. Зограф, *Античные золотые монеты Кавказа*, ИГАИМК, вып. 110 (1935), стр. 191, № 46; он же, *Находки античных монет на Кавказе*, «Тр. Отд. нумизматики», 1945, том I, стр. 34.

штмпель внимательно следили за тем, чтобы точно следовать предварительному рисунку и разметке букв. Эти правила прекрасно понимали и соблюдали боспорские монетчики.

Кавказские мастера начинали резать штмпель без предварительной разбивки основного рисунка. Главное внимание уделяли сначала сидящей фигуре с атрибутами, а затем в оставшиеся по бокам свободные пространства втискивали надписи, искажая их изрядно. Буквы оказывались слишком большими, и полные надписи не умещались в предназначенных для них местах.

Мастер статера из сел. Реке сначала вырезал фигуру Афины с Никой, нарушив ее пропорции и, в частности, пропорции вытянутой ноги богини. Далее он пытался вырезать надпись—ΒΑΣΙΛΕΩΣ и искажил это слово до неузнаваемости. Слово оборвалось на шестой букве Β, выгравированной в виде=, и вообще все буквы в этом слове (кроме иоты) оказались недоделанными. Несмотря на то, что слово осталось недописанным (вместо 8 букв есть только 6), последние буквы вышли за пределы, положенные для всей надписи,—горизонтальную линию под ногами и щитом Афины. Мастер механически копировал надпись, но резал ее, несомненно, сверху вниз. Верхняя часть надписи начата там, где полагается и у лисимаховских статеров—вовле головы Афины, а нижняя часть растянулась, потому что мастер предварительно не наметил этих букв.

Левую надпись (на что следует обратить особое внимание) мастер начинал резать, несомненно, снизу вверх. Об этом свидетельствует следующая подробность: три нижние буквы ΧΟΥ поставлены довольно правильно, как на лисимаховских статерах, что

← 1й прием

← 2й прием

Схема 1.

могло быть сделано только в начальный момент работы. Но, придав буквам слишком большой размер и видя, что надпись не укладывается, мастер медленно начал поворачивать строку вправо, по кругу, и ему удалось вырезать еще только две буквы, причем и Α и Μ остались недоделанными. У него получилась искаженная надпись. Далее он прервал работу, потому что остальные буквы не могли поместиться—мешала фигурка Ники, уже до этого, несомненно, вырезанная.

Д. Г. Капанадзе считает эту явно дефектную надпись—«одинаково похожей и на ΑΚΟΥ и на окончание имени Лизимаха», причем предполагает, что неграмотный мастер принял руки Ники за буквы и прибавил две черточки впереди.

Наблюдение неверное. Мастер прекрасно разобрался, каким образом располагается вытянутая вперед и несколько вверх рука Ники, и изобразил ее в виде тонкой черточки, идущей от корпуса Ники и кончающейся маленькой точкой. Две следующие черточки, как я уже сказал, яв-

ляются недописанной буквой Μ; таким образом ясно, что на статере из сел. Реке начертано ΜΑΧΟΥ. Совершенно очевидно, что мастер неудачно копировал имя ΔΥΣΙΜΑΧΟΥ.

Статер из сел. Реке является изумительным примером сравнительно ранней чеканки кавказских подражаний лисимаховским. На нем наглядно можно проследить, в чем именно заключались искажения прототипа, какими причинами вызывались они и каким своеобразным приемом работал мастер, механически копирующий первоклассный образец, находившийся у него перед глазами. В чем же заключалась специфическая особенность приема работы кавказского монетчика? В том, что вторая строка надписи резалась в обратном направлении, начиная с последних букв. Спрашивается, какими техническими причинами может быть объяснена такая ненормальность? (схема 1).

Процесс гравирования надписи у мастера-грека осуществлялся следующим образом (см. схему 1). В момент исполнения работы матрица штампа располагалась, конечно, так, что обе параллельные строки находились в горизонтальном положении, и мастер

резал буквы справа налево в обратном их начертании, но по направлению чтения. Сначала он вырезывал верхнюю строку, затем таким же способом нижнюю.

Кавказский мастер, повидимому, делал это несколько иначе. Верхнюю строку он резал так же (см. схему II, 1-й прием), как грек. Когда же переходил к строке нижней, то матрицу, очевидно, предварительно переворачивал вокруг своей оси, чтобы нижняя

Схема II.

Схема III.

строка заняла положение сверху. Так было ему, наверно, удобнее работать. Буквы он опять начинал резать справа налево, но уже в перевернутом виде и в противоположном нормальном чтении направлении (см. схему II, 2-й прием). Кавказский мастер добивался этим приемом безусловно верного расположения начальных букв. Буква В в первой строке всегда занимала свое место на уровне головы Афины. Буква Y во второй строке занимала свое место на уровне ступни выставленной вперед ноги богини. Но, так как остальные буквы предварительно не намечались, а вырезывались на-глаз, надписи не уместались, и недоразумения с буквами происходили в конце обеих строк. В слове ΒΑΣΙΛΕΩΣ последними буквами оказывались всегда те, которые составляют окончание его, а в слове ΔΥΣΙΜΑΧΟΥ — те, которые составляли его начало.

Итак, недописанную надпись ΔΥΣΙΜΑΧΟΥ на статере из сел. Реке я объясню вышеизложенным приемом резьбы штемпеля, а всевозможные искажения букв — небрежностью при исполнении перевернутых букв. Так обстояло дело согласно датировке А. Н. Зографа, во второй четверти I в. до н. э.

Как же работали кавказские монетчики в III в. до н. э., в эпоху чеканки статов с именем «Ака», статов, которые Д. Г. Капанадзе вполне убедительно относит к числу таких же подражательных лисимаховским статам, но более раннего времени, чем статы из сел. Реке?

V. Сопоставим статы «Ака» со статутом лисимаховским (из сел. Эфи) и статутом подражательным (из сел. Реке) (см. табл., рис. 2, 1, 6).

По определению Д. Г. Капанадзе, в статуте «Ака» не было элементов искажения прототипа или оно выражалось в мелочах—в отсутствии копья у Афины, которого не заметил кавказский резчик. Что касается надписи, то она, по мнению Д. Г. Капанадзе, «безусловно достоверная».

Я считаю, что надпись АКОУ является результатом механического искажения первоначальной надписи прототипа¹, а не сознательной переделки его (как на Боспоре).

Безусловно и в ранней стадии кавказских подражаний уже имели место искажения прототипа. Эти искажения в первую очередь и главным образом касались греческой надписи статов, надписи, которая вырезывалась тем же приемом, который мной проанализирован на примере более грубого искажения в более позднем статуте из сел. Реке.

Посмотрим, как резал штампы мастер, изготовивший статы с «загадочным» именем Ака, и проверим, насколько правильны мои утверждения, что прием резьбы с переворачиванием матрицы был уже в ходу на самой ранней стадии подражаний кавказских мастеров лисимаховским статам.

В передаче образа Александра, сына Аммона, резчик проявил большое мастерство, и лицевая сторона монеты не вызывает никаких возражений. Можно прямо сказать, что это подражание осуществлено без каких бы то ни было отступлений от лисимаховского образца. Иначе обстояло с обратной стороной. Может быть, ее резал другой мастер. На первый взгляд, как будто фигура сидящей Афины с Никой изображена не плохо, в ней нет ничего грубого и примитивных искажений. Кажется, что мастер действительно упустил из виду только копье Афины и, повидимому, монограммы, обычно встречающиеся на статах Лисимаха. Но при более внимательном рассмотрении мы замечаем, что мастер допустил искажение пропорций—он слишком вытянул руку Афины с фигуркой Ники вперед. На лисимаховских статах эта фигурка располагается обычно на одной вертикали с коленями сидящей Афины и никогда не выходит за пределы того прямоугольника поля, в которое вписана вся фигурная часть композиции (схема III).

Вырезая правую надпись со словом ΒΑΣΙΛΕΥΣ, вначале мастер разместил ее правильно, но, взяв слишком большой интервал между буквами, не сумел разместить ее до линии поля, а несколько вытянул до линии трезубца (как на статуте из сел. Реке). Резал он надпись сверху вниз, т. е. во время работы резал буквы справа налево, держа матрицу строками горизонтально (см. схему III, 4-й прием). Если перед мастером лежал образец лисимаховского стата, он и его переворачивал вверх ногами, и, таким образом, мастер видел перед собой и образец в таком же обратном, негативном и перевернутом виде.

Резать буквы второй строки он начинал опять справа налево (см. схему III, 2-ой прием, как на статуте Реке). Мастер выгравировал 4 буквы в той последовательности и в том месте, как они располагаются в окончании слова ΛΥΣΙΜΑΧΟΥ при чтении его с конца. Надпись вся не разместилась потому, что интервалы между буквами были даны слишком большие, строка искривилась внутрь, и четвертая буква А уперлась в изображение фигурки Ники, чрезмерно выдвинутой вперед и помешавшей резчику выгравировать остальные буквы имени Лисимаха.

¹ В более поздних стадиях кавказской подражательной чеканки (позднее, чем статы из сел. Реке, т. е. во второй половине I в. до н. э.) деградирующая надпись, можно сказать, совершенно исчезает, превращаясь в какой-то своеобразный орнаментальный мотив из поперечных черточек, отдаленно напоминающих строки надписей с буквами, и то только потому, что располагаются они на месте прежних надписей.

Если на статере из сел. Реке поместилось 5 букв МАХОУ, то здесь удалось вырезать только 4 буквы—АКОУ, причем, совершенно очевидно, что буква К здесь ошибочно поставлена вместо Х, что вполне понятно, поскольку эти буквы и по начертанию и по звуковому своему выражению могут быть легко перепутаны¹. Таким образом, «загадочная» надпись АКОУ является результатом небрежности резчика.

Ответ на поставленный в заголовке данной статьи вопрос «Существовал ли царь «Аху»?, мне кажется, ясен сам собой. Хотя, действительно, этот фрагмент надписи нам и напоминает ряд сходных и близких имен и названий, но базироваться на этих «косвенных аналогиях» и делать заключения о реальности существования такой исторической личности мы не имеем права, поскольку прямое свидетельство единственной монетной надписи недостоверно, так как сама надпись—дефектна.

Замечательный статер из сел. Реке служит прекрасной аналогией для статеров с надписью ΒΑΣΙΛΕΩΣ ΑΚΟΥ и с исключительной убедительностью подтверждает правильность гипотезы Д. Г. Капанадзе о близости последних к группе так называемых кавказских, «колхских», подражаний. Но в то же время статер из сел. Реке не способствует доказательству существования царя Ана, а, наоборот, помогает разгадать эту старую «загадку» и отвергнуть гипотезу о существовании царя с таким именем не только в Колхиде, но и где бы то ни было.

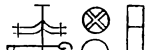
Правильная гипотеза Д. Г. Капанадзе о кавказском происхождении статера «Ака» позволяет нам теперь отнести время возникновения всей группы кавказских подражаний не ко второй четверти I в. до н. э. (как полагал А. Н. Зограф, сохранявший статеры «Ана», несмотря на свои сомнения, еще в списке боспорских чеканок), а к концу III в. до н. э. и рассматривать статеры «Ака» как самые ранние подражания, чрезвычайно близкие прототипу, но уже имеющие искажения (главным образом в надписях). Таким образом, кавказские подражания пришли не на смену лисимаховским византийским статерам (как считал А. Н. Зограф), а возникли, повидимому, одновременно и развивались параллельно с ними, подобно аналогичному процессу на Боспоре, с той лишь разницей, что боспорские мастера творчески перерабатывали лисимаховский прототип, а кавказские просто копировали его.

Факт находки обоих статеров «Ака» на территории, соответствующей древней Колхиде, сам по себе еще не дает основания считать эти монеты чеканенными в Колхиде. Но параллельность обращения их вместе с лисимаховскими дает нам полное право согласиться с Д. Г. Капанадзе и считать статеры «Ака» (равно как и прочие кавказские подражания, находимые в западной Грузии) чеканенными в Колхиде.

Л. П. Харко

Из истории одного древнеегипетского города

[Ермонт (Армонт) в свете последних раскопок]

В двух десятках километров на юго-запад от величественных развалин Фив, на левом берегу Нила сохранились остатки древнего города Ермонта [⊗]

или ; еврейское } י ח ; коптское Ω Ν], частично находящиеся под фундаментами строений современного городка Арманта.

¹ Н. П. Розанова обращает внимание на то, что на парижском статере буква капша имеет более правильное начертание—**К** а на тбилисском та же буква более похожа на хи—**Х**. Эта особенность может служить подтверждением того, что кавказский подражатель копировал имя Лисимаха.